

ключеній и приобрѣтая такимъ образомъ солидныя знанія въ предметѣ ученія и навыкъ въ построеніи его системы, учащійся также самостоятельно укладываетъ въ своей памяти эти знанія въ собственной, выработанной имъ системѣ, а не нагромождаетъ ихъ по волѣ учителя. Такими знаніями онъ легко можетъ пользоваться, такъ какъ онъ является полнымъ хозяиномъ своей головы и потому знаетъ гдѣ что положилъ въ этой головѣ.

При подобной постановкѣ дѣла возможна естественность отношеній между учителемъ и ученикомъ; этой естественности и добиваются новѣйшіе педагоги. Самъ авторъ статьи, говорившій прежде, что въ европейской педагогической литературѣ не нашель рѣшенія своихъ вопросовъ, теперь говоритъ, что, при внимательномъ разсмотрѣніи исторіи педагогики, увидимъ, что движеніе впередъ педагогики состоитъ въ большемъ и большемъ приближеніи къ естественности отношеній между учителемъ и ученикомъ. Значить педагогика занята вопросомъ „какъ учить“.

Куда-же привела автора статьи ложно понимаемая имъ естественность отношеній между учителемъ и ученикомъ? Къ полной свободѣ учащихся. Въ чемъ состоитъ эта свобода? Авторъ статьи отвѣчаетъ: „Возьмите, на примѣръ, болѣе или менѣе свободную школу, такую, каковы мои школы и попробуйте рассказывать дѣтямъ *занимательную исторію*, или задавать задачи, или заставьте одного писать на доскѣ, а другихъ поправлять за нимъ ошибки, и спустите всѣхъ съ лавокъ, — увидите, что всѣ будутъ заняты, шалостей не будетъ; и смѣло можно сказать, что пріемъ хорошъ.“ Свобода, во-первыхъ, обусловленная занимательностію рассказываемой исторіи, а, во-вторыхъ, чисто виѣшняя, состоящая въ спусканіи дѣтей съ лавокъ. А если вмѣсто занимательной исторіи захочется учителю привлечь вниманіе дѣтей къ чему-либо болѣе серьезному, тогда свобода выразится тѣмъ, что дѣти сами спустятся съ лавокъ и уйдутъ изъ школы, показавъ носъ учителю.

Правильность своего заключенія о свободѣ учащихся авторъ статьи подтверждаетъ указаніемъ на школу въ Ясной Полянѣ, гдѣ перебивали сотни посѣтителей и восхищались порядками школы. Во-первыхъ, примѣръ не доказательство. А, во-вторыхъ, если принять во вниманіе, кто былъ учителемъ въ этой школѣ и кто были учащійся, то такое изумленіе дѣлается понятнымъ. Я вполне вѣрю заявленію гр. Толстого и допускаю, что на